

Белка в колесе фортуны

Автор:

Юлия Климова

Белка в колесе фортуны

Юлия Климова

Чудеса на свете есть. Двадцатисемилетняя Катя Щербина узнала это точно, когда выяснилось, что она – родственница и единственная наследница очень богатого человека по имени Карл Август фон Перлюгге. Но чтобы сегодня же стать владелицей компании «Перлюгге и Архипов», она должна выйти замуж за этого Архипова. Как же, разбежалась! Она уж лучше пройдет через три испытания, предложенные коварным дядюшкой. Но как-то так получалось, что и они оказывались связанными с этим Архиповым. Катерина всеми силами стремилась оттолкнуть ненавистного жениха. Но получалось... наоборот. Хитрым оказался граф-родственник со смешной фамилией!

Юлия КЛИМОВА

БЕЛКА В КОЛЕСЕ ФОРТУНЫ

– Господи, да сделай же наконец так, чтобы, засыпая, каждую ночь я не ныла как последняя неудачница и не утопала в жалости к себе, а улыбалась до ушей в ожидании необыкновенно прекрасного завтрашнего дня. А еще лучше – сделай так, чтобы я вообще не могла уснуть от счастья!

Выпалив эту мольбу, Катя перевернулась на правый бок и закрыла глаза. Но отбыть в царство Морфея не удалось – тишину нарушили переливы дверного звонка.

– Кого еще принесло на ночь глядя... – недовольно буркнула она, откинула одеяло и протянула руку к желтому махровому халату.

Обычно Катя смотрела в «глазок» и только потом открывала дверь, а тут, вырванная из своих мыслей и надежд на светлое будущее, без всяких опасений, щелкнула замком и распахнула дверь.

На пороге стоял незнакомый парень лет восемнадцати – свеженький, опрятненький, как огурчик с грядки. Белая рубашка, галстучек, серый костюм. Мило и одновременно как бы удивленно улыбаясь, – чего это он в своем зеленом возрасте так вырядился, а где положенные потертые джинсы и футболка с шокирующими надписями?

– Щербина Екатерина Александровна?

– Да, – нахмурила брови Катя. – Совесть у тебя есть? Ночь на дворе, а ты по квартирам трезвонишь.

– Работа такая, – пожал плечами парень и посмотрел на часы. – Вообще-то семь часов вечера...

– Вот именно, все нормальные люди уже спят!

– Н-да? – изумился он. – Я так не думаю...

– А что ты думаешь? – продолжая злиться, перебила Катя.

Ей вдруг до ужаса захотелось выплеснуть хоть на кого-нибудь свое мерзкое настроение. Еще было неловко, что она завалилась спать так рано... а чем еще заниматься? Никому она не нужна, и никто ей не нужен!

– Я думаю, что в семь часов ложатся спать только неудачницы, – честно ответил парень.

Первой реакцией на такие слова было острое желание захлопнуть дверь так, чтобы она шандарахнула по носу этого сопляка, и вернуться в постель. Потребовать от Господа более весомого участия в ее судьбе и вновь закрыть

глаза, но в руках у паренька был пухлый конверт, и Катю это остановило...

- Ладно, умник, выкладывай, зачем пришел, - щурясь, сказала она, - некогда мне.

- Вам письмо, - пожал плечами парень. - Распишитесь вот здесь, - он протянул разлинованный бланк.

- От кого? - насторожилась Катя, боясь, что ей сейчас всучат какую-нибудь ерунду, за которую придется взваливать на себя совершенно ненужные обязательства.

- Не знаю.

- Это как понимать?

- Мое дело - доставить вам конверт, а не отвечать на вопросы.

- Тогда проваливай отсюда.

- Прощайте, - парень развернулся и зашагал к лифту.

- Стоять! - крикнула Катя, чувствуя, как удавка любопытства стягивает горло. - Иди обратно.

Парень послушно засеменил к квартире.

- Расписываться будете? - спросил он, поглядывая на странную девушку уже с опаской.

- Сначала посмотрю конверт, - ответила Катя и протянула руку.

- Нет, - мотнул головой парень, - не верю я вам.

- А ты вообще кто такой?

- Курьер.

- Подробнее.

- Фирма «Скорость ветра». Экспресс-доставка почты, подарков, цветов, книг и всего прочего по Москве.

- Понятно, - кивнула Катя. - А теперь я хочу узнать, от кого это письмо.

- На конверте не написано, значит, человек хотел скрыть свое имя или, скорее всего, вы узнаете, кто отправитель, когда вскроете послание, - монотонным голосом пояснил парень, вновь протягивая разлинованный бланк.

- Звони в свой офис, - прислоняясь плечом к дверному косяку, потребовала Катя.

- Чего?

- Звони.

Парень достал из кармана мобильный телефон, вздохнул и стал набирать номер. Через минуту, чувствуя, что избавление близко, он отпрапортовал:

- Письмо от вашего дядюшки - графа Карла Августа фон Пфлюгге.

Катенька потерла пальцем висок и часто-часто заморгала. Никакого дяди у нее не было, тем более графа, тем более Пфлюгге... Ошибка? Розыгрыш? Судьба?

- Так вы будете расписываться? - устало спросил молодой человек, который за свою пока еще недолгую жизнь выполнил столько странных, дурацких и прочих поручений, что никакие графы его закаленную курьерской работой душу уже не брали.

- Буду! - выдохнула Катя и вырвала у парня из рук бланк и ручку.

Глава 1

Четвертая пластическая операция несколько подпортила эффектную внешность Делягиной Лидии Герасимовны. Скулы точно два пирога подскочили вверх, да так там и остались, глаза стали уже, а рот размазался по лицу, точно погибший под ботинком дождевой червяк, но она этих погрешностей не замечала, считая себя по-прежнему весьма привлекательной и молодой. Она полагала, что выглядит на двадцать пять, по паспорту же ей перевалило за пятьдесят два.

– Приведи себя в порядок, – сказала Лидия Герасимовна, с недовольством глядя на сына. – Жаль, мы не знаем, какие мужчины ей нравятся... блондины или брюнеты... тебя можно было бы перекрасить.

– Ерунда, – отмахнулся Вадим, разглядывая свое отражение в начищенный поднос. – Женщинам, по сути, не так уж и много нужно. Пара-тройка комплиментов, цветы, подарочки – и дело в шляпе.

– Вот если ты будешь так рассуждать, она от тебя точно сбежит. Женщинам нужна романтика и хотя бы видимость уважения.

– Не волнуйся, я умею себя вести.

Лидия Герасимовна тяжело вздохнула и заварила травяной чай. Кухарка ушла, и, ничего не поделаешь, пришлось самой нажимать на кнопку чайника и кидать в чашку сухие листочки.

– Как ты можешь пить эту гадость? – поморщился Вадим только от одного запаха варева. – Плесень какая-то.

– Ничего ты не понимаешь! Это полезно, – отрезала Лидия Герасимовна. Насмешек со стороны сына она не терпела и даже сейчас, когда частично зависела от него, не собиралась отступить. – Лучше подумай, как ты будешь ее охмурять, может быть, тебе ее встретить...

– Может быть, – буркнул Вадим, которому уже дико надоели эти разговоры. Ну сколько можно... Он хорош собой, не дурак, в конце концов – какие проблемы! – А откуда я знаю, когда она надумает приехать?

– Наверняка завтра. Сегодня она уже точно получила письмо, я сама видела, как Карл передавал его какому-то парню... Конечно же, она не утерпит и придет завтра.

– Ладно, подумаю, видно будет.

Вадим вышел из кухни, а Лидия Герасимовна сделала первый глоток чая и не удержалась от гримасы.

– Какая дрянь, – сказала она и добавила в чашку три чайные ложки сахарного песка. – Хитрый ты, Карл, – добавила она, – а я все равно хитрее.

* * *

Катя нетерпеливо вскрыла конверт и разложила на столе его содержимое.

Первое, к чему прилепился взгляд, – пригласительная карточка. Белая, глянцевая с витиеватыми чернильными буквами.

«Екатерина Александровна, буду рад принять вас в своем доме в любое удобное для вас время. Извещать о своем приезде заранее не надо.

Граф Карл Август фон Пфлюгге» .

Далее шел адрес.

– Хорошо, что не граф Дракула, – вздохнула Катя и посмотрела на кусок ксерокопированной карты Подмосковья. Леса, поля, речушки и жирный крест посередине всего этого безобразия. – Ну, нет, – мотнула она головой, – мы так не договаривались.

Ехать неизвестно куда, неизвестно на чем в ее планы никак не входило.

– К тому же в понедельник на работу, – оправдала она себя, переключая взгляд на открытку. Взяла ее в руки и раскрыла – на стол выпала фотография: красивая женщина в белой кофточке и сером полупрозрачном шарфике. – Я тебя не знаю, – сказала Катя и прочитала слова, накорябанные на открытке явно плохой ручкой: «Дорогой Карл, поздравляю с днем рождения, будь счастлив! P.S. У меня все в порядке, жду ребенка. Марина» .

Катя села на стул и посмотрела на часы – семь тридцать. За какие-то полчаса ее жизнь, завертевшись волчком, взорвалась – и салютом разлетелась в разные стороны.

– Н-да, – многозначительно протянула Катя, оглядываясь.

Ей вдруг показалось, что ошметки прежней жизни повисли на стенах, крича о своей абсолютной ненужности.

– Надо подумать...

Ее мать звали Светланой, и пятнадцать лет назад она умерла от болезни сердца, отец, вроде, летчик-испытатель и археолог одновременно – как-то мама с бабушкой не договорились, как именно врать. Бабушка вырастила «свою непутевую внучку» и тоже умерла – других родственников не было.

– Это ошибка, – приняла решение Катя. Запихнула обратно все в конверт и отправилась спать.

– Господи, – зевая, начала она привычно молиться, – я, конечно, просила перемен в жизни, но не таких же... Нельзя ли что-нибудь попроще и поспокойнее. Например, путевку в Италию и мужа к концу декабря. Собаку, кстати, не надо – за ней убирать замучаешься... так, что еще... – наученная горьким опытом, Катя задумалась. Теперь она понимала, что лучше просить конкретные вещи, а то потом с ума сойдешь с этими сюрпризами. – Еще можно новую работу – высокооплачиваемую, рядом с домом.

Успокоившись на этом, она повернулась к стенке и попыталась уснуть. Но разум отказывался отключаться, постоянно возвращая ее к конверту. А если это не ошибка, а если у нее действительно есть дядюшка-граф?

– Если бы он написал, как доехать, – смачно зевая, сказала Катя, – я бы еще подумала. А так – неохота.

В сумку летели: зубная щетка, гель для умывания, стопка трусиков, стопка кофт, брюки, халат, зарядка для мобильного телефона и многое другое. Неизвестно, сколько придется гостить – лучше обо всем позаботиться заранее.

– Конечно, меня там могут убить, – размышляла Катя, поглядывая на теплый луч утреннего сентябрьского солнца – он замер на полу желтой полосой, вселяя в душу некоторый оптимизм. – Но с другой стороны, кому я нужна – мертвая? Никому, я и живая-то не вызываю ни у кого интереса.

По дороге к станции метро она добросовестно учила полное имя графа, но как ни старалась, дальше Августа продвинуться не смогла.

– Я ему просто скажу – здравствуй, дядюшка, я очень скучала. Да, именно так – учтиво и по-родственному.

Край Москвы не порадовал – куча маршруток в ряд, пухлые автобусы и толпа теток, не знающих, что делать – не то сэкономить и проехаться на дряхлом «Икарусе», не то шикануть и усесться на мягкое сиденье белой маршрутки. Посчитав, что родственнице графа негоже трястись в задрипанном автобусе, Катя сразу же определилась с выбором. Но куда ехать, она толком не знала, поэтому устроила небольшой опрос, предъявляя водителям кусок ксерокопированной карты.

– Ко мне садись, – кивнул усатый парень. – Точно до места не довезу, но пешком придется топтать не так долго.

– Сколько?

– Пятьдесят рублей.

– Да нет, топтать сколько?

– Около двух километров.

– Чтоб этим графьям всю жизнь тараканы снились, – прокляла своего дядюшку Катя и заняла место у окна.

Два километра оказались сущим наказанием – дорога плохая, да и машины летят мимо на бешеной скорости, так и норовя обдать грязью. Катя с удовольствием поймала бы попутку, но, боясь расшалившихся в последнее время маньяков, решительно отвергла их помощь.

Нужный дом она увидела сразу, как только свернула за реденький лесок – он выбивался из общей массы своей редкой величественностью. Никаких сомнений быть не могло, ей сюда – только в таком замке может жить граф.

Стоило подойти к воротам, как они сами распахнулись, зазывая в гости.

– Как в сказке, – фыркнула Катя, ступая на мощеную дорожку.

Определиться, где она находится, было трудно – вроде не деревня, не поселок богатеньких бизнесменов, да и не место обитания знати голубых кровей. Дома натканы разные: от простеньких до многоэтажных с разнообразной отделкой и даже башенками по углам. Эта сумятица давила и прибавляла к волнению, поселившемуся в душе еще вчера, приличную порцию смятения. В такие мгновения у Катеньки всегда включался автопилот и срабатывал рефлекс самосохранения, но теперь, не слишком-то вдаваясь в подробности, она плыла по течению, отменяя все пугающее в сторону.

– Карл Август фон Пфуго... – последний раз попыталась она произнести правильно, но, махнув рукой, дернула за тяжелое кольцо на двери.

Дверь не поддавалась.

– Знаю, знаю, – затараторила Катя, – фильмы смотрела, книги читала...

Постучав кольцом о металлическую, отделанную чеканкой поверхность двери она замерла, ожидая худшего.

– Да дерни ты ее сильнее! – донесся сверху хриплый старческий крик. – Или жди десять минут – радикулит у меня, быстрее не спущусь!

Катя задрала голову, но никого не увидела. Это... э-э-э... и был ее дядюшка? У окна он, что ли, дежурит?

Дернув дверь, как и велели, она шагнула в дом.

Кругом золото, парча, бархат и шелк...

– Неплохо, – подвела итог первому впечатлению Катя и, сняв туфли, прошла по ковру в просторную гостиную.

Пузатые шкафы, кушетки с выгнутыми спинками, вышитые гладью подушечки на небольших диванчиках, массивный стол, покрытый бежевой скатертью, доходящей до пола, вазы, расписанные причудливыми узорами, огромная люстра с переливающимися висюльками, лестница, ведущая на второй этаж, с перилами, украшенными позолоченными шишечками, куча дверей из темного дерева и странный запах чего-то удивительного и таинственного.

– Заходи, заходи, – заскрипел на лестнице тот же голос, и Катя увидела сморщенного старичка с вытянутой дыней головой. Длинные седые волосы зачесаны назад, уши торчат в стороны, а губы подрагивают в улыбке. Одежда странная, притягивающая взгляд: коричневый костюм с красными лацканами и пуговицами-стекляшками и на плечах клетчатый плед с бахромой по краям. – Пять минут! Надо же! Это мой рекорд! – радостно выпалил он, глядя на большие напольные часы. – Обычно я спускаюсь намного медленнее.

– Доброе утро или день... – сказала Катя, все еще гадая – дядюшка перед ней или нет.

– Доброе, – согласно кивнул старичок, завязывая на груди лохматые концы пледа. – Ты Екатерина.

– Ага, она самая.

– А уж он так тебя ждет, так ждет...

Последние слова внесли некоторую ясность – перед ней не граф.

– Красиво у вас тут, – сказала Катя первое, что пришло в голову.

– Не обращай внимания, – махнул рукой старик, – золото не настоящее, а бархат местный. Шелк, кстати, тоже не китайский. – Он потрогал покрывало, перекинутое через спинку дивана, и поморщился, – хотя, может быть, это и не шелк вовсе.

– Бутафория, значит, – внесла ясность Катя.

– Она самая, граф хоть и богат, но на барахло тратиться не любит. Только я тебе этого не говорил.

– Угу.

– Ох, да что же это я – развалюха старая, не представился! Я дворецкий – Филипп.

– Так и называть? – уточнила Катя, прикидывая, сколько ему лет – семьдесят, восемьдесят?..

– Так и называй, мое дело маленькое – дверь открывать, подслушивать и подглядывать, так что можно без церемоний.

«Н-да, неплохое начало дня, – подумала Катя, – наверное, не будут меня здесь убивать, во всяком случае, этого не стоит ждать от дворецкого – у него радикулит и все прочее».

– Я сейчас провожу тебя в гостевую комнату, подготовься к обеду, а там и с дядей свидишься, – затараторил Филипп, подталкивая девушку на второй этаж.

– А что значит подготовиться к обеду?

– Платье поприличнее надень и прическу сообрази такую, чтоб повыше и покудрявистей.

– Изобразу, – скептически ответила Катя, размышляя, переодеться в новые джинсы или остаться в этих черных брючках.

Выделенная комната оказалась просторной и довольно скромно обставленной, это произвело приятное впечатление – протискиваться между балдахинами с золотыми кистями и резной мебелью ей не хотелось.

– Сюда бы еще телевизор, – вздохнула Катя, глядя на закрывающуюся за Филиппом дверь. В замке щелкнул ключ. – А это еще зачем?! – крикнула она, очень надеясь на ответ.

– Чтобы не сбежала, – закричал Филипп, – уж так он тебя ждал, так ждал...

Глава 2

Карл Август фон Пфлюгге, а если проще, Карл Антонович Пфлюгге действительно ее ждал...

Выходец из титулованной немецкой семьи, всю свою жизнь мигрирующий из одной страны в другую, шестидесятисемилетний граф, весьма небедный человек, однажды проснулся с четким решением – найти наследницу и сделать все, чтобы она стала счастливой и к тому же могла позаботиться после его смерти о судьбе состояния. У Карла Антоновича был свой взгляд на то, что такое счастье, и он четко знал, как совместить приятное с полезным...

– Хорошо ее устроил? – спросил он, наполняя бокал красным вином.

– Очень хорошо, – приглаживая седые волосы, ответил Филипп. – Запер в гостевой комнате.

– Зачем?! – изумился граф и, резко развернувшись, с укоризной посмотрел на дворецкого.

– Не знаю, – смутился тот, – захотелось... Вы же сами говорили, что богатые люди могут себе позволить пять минут маразма в год, ну вот я и позволил...

- Но есть два «но» - ты не богатый человек, и в этом году твой маляк уже побил все возможные рекорды.

- По вашему завещанию мне полагается двести тысяч долларов плюс ежемесячные проценты со счета в банке, только не говорите, что передумали, я уже все распланировал и даже пообещал дать денег в долг приятелю из соседней деревни.

- Хочу тебя огорчить - в ближайшее столетие я умирать не собираюсь, - усмехнулся Карл Антонович.

- Мой приятель тоже, и он сказал, что подождет, - парировал Филипп.

- Немедленно иди и выпусти ее.

- Зачем? Через полчаса все равно обед...

Карл Антонович поджал губы и указал дворецкому на дверь. Тот, укутавшись пледом, точно гонимый революционер, гордо прошествовал в коридор, охнув при этом только два раза.

- Ну что ты будешь с ним делать, - покачал головой Карл Антонович и протянул руку к телефонной трубке. Он ожидал еще одного гостя - Федора Дмитриевича Архипова, и очень надеялся, что тот прибудет вовремя - прямо к обеду.

- Позвольте, я выпущу вас из плена.

Перед Катей стоял высокий черноволосый молодой человек лет тридцати-тридцати трех. Глаза искрятся смехом, губы расплываются в улыбке, на подбородке ямочка. Рядом с такими мужчинами Катя всегда терялась, но только на десять секунд.

- Спасибо, конечно, но я все равно никуда не тороплюсь. Два километра по грязной дороге до остановки маршрутного такси - не слишком-то приятная перспектива.

– Жаль, я не знал, что вы приедете сегодня, не то обязательно встретил бы вас. Карл Антонович любит совершать экстравагантные поступки и считает, что трудности закаляют характер, так что я давно ничему не удивляюсь... и вам не советую...

– А Карл Антонович это...

– Карл Август фон Пфлюгге.

– Ну да, я так и подумала, – закуривая сигарету, сказала Катя.

– У нас не принято курить, – мягко улыбнулся молодой человек, – во всяком случае, в доме.

– А я скажу, что это вы надымили. Ну как? Испугались?

– Нет, – он усмехнулся и вошел в комнату. – Позвольте представиться – Вадим.

– Давайте я скажу эту дурацкую дежурную фразу – «Очень приятно!», – едко заметила Катя, – и с любезностями можно будет покончить. Не так ли?

– А вы очень необычная девушка, Катя...

– Буду считать это комплиментом, и, кстати, не думайте, что я удивлена вашей осведомленностью. О том, что я Катя, пожалуй, известно каждому стулу в этом доме.

– Да, это так, – хмыкнул Вадим и с удовольствием вдохнул табачный дым.

– А вы кем приходитеесь графу?

– Собственно, никем. Моя мать его сводная сестра, и никакого кровного родства между нами нет.

– А я кем прихожусь графу? – стряхивая пепел в цветочный горшок, поинтересовалась Катя.

- Кажется, внучатой племянницей, не то двоюродной, не то троюродной.

- Неплохо.

- Да, - кивнул Вадим. - Собственно, вся эта цепочка поколений не важна, а важно то, что вы его единственная родственница. - Он немного помолчал и добавил: - Необыкновенная родственница.

Катя на миг смутилась - от комплемента или от своеобразного упрека?..

Явно заинтересованный взгляд Вадима несколько сбивал с прохладного настроения. Да, давненько на нее так не смотрели, но это же не значит, что надо тут же превращаться в раскисшее мороженое или скакать от радости на одной ножке.

- А во сколько обед? Очень уж хочется познакомиться с Карлом Августом фон... Нет, я его, пожалуй, тоже буду называть Карлом Антоновичем, это куда удобнее.

Дверь скрипнула.

- Прошу к столу, - раздался полный официального пафоса голос Филиппа. - Ты почему платьишко не надела? - тут же строго спросил он.

- Не успела, - фыркнула Катя.

- И чем же ты была занята? - осведомился дворецкий, кидая недовольный взгляд на Вадима.

- Ломала дверь. Очень, знаете ли, хотелось глотнуть воздуха свободы, - ответила она, еле сдержавшись, чтобы не показать старику Филиппу язык.

В просторной комнате, смежной с кухней, был накрыт круглый стол. В центре стояли разнообразные салаты, с ними соседствовали небольшие тарелочки с закуской и овощами, далее шли фужеры и тарелки побольше - глубокие и плоские. Очень приятно пахло специями, жареным луком и копченостями.

Катя стояла рядом с Вадимом около стены, щедро увешанной небольшими натюрмортами на гастрономические темы, что лишь увеличивало нетерпение от

предвкушения отличного обеда, впрочем, как и от знакомства с графом. Она поглядывала на Филиппа – он чинно обходил стол, выдвигая стулья с высокими спинками – и твердила про себя: «Ну когда же, ну когда же...»

В комнату одна за другой прошествовали две женщины – пышная блондинка, которой, скорее всего, уже перевалило за пятьдесят, и худосочная мадам со странными, точно две подушечки для иголок, скулами.

– Блондинка – это Амалия Петровна, бывшая любовница Карла Антоновича и выжившая из ума актриса, – прошептал Вадим, прикасаясь к Катиному локтю, – вторая – моя мать, Лидия Герасимовна.

– А почему эта Амалия сошла с ума? – тихо спросила Катя.

– Ей перестали давать роли молоденьких героинь, и у нее случились три затяжные депрессии – пришлось принимать таблетки. Она располнела, стала нервной и вскоре окончательно потеряла связь с миром. Иногда она возвращается на грешную землю, но это бывает редко, – объяснил словоохотливый Вадим.

Затем в комнату уверенной походкой вошел широкоплечий мужчина, кинув на гостью острый, как бритва, взгляд, приветственно кивнув всем, он подошел к Филиппу и, прислонившись к широкому буфету, замер.

– Архипов Федор Дмитриевич, – склонившись к Кате, представил гостя Вадим, – партнер Карла Антоновича.

– Понятно, – благодарно шепнула в ответ Катя. Сейчас эти пояснения были ей очень нужны.

И вот наступил тот самый момент, когда в столовой появился хозяин дома – полноватый, лысоватый, коротконогий мужчина преклонных лет. Вроде бы простой смертный, но странным образом он излучал какую-то особую ауру... Его глаза, обрамленные морщинами, но не потерявшие живого блеска, осанка сказали Кате о многом – да, черт побери, перед ней граф – Карл Август фон Пфлюгге!

Полное имя всплыло сразу же без каких-либо проблем.

– Добрый день, – он радушно улыбнулся всем и подошел к столу, – давайте поскорее приступим к обеду, кажется, он сегодня удался на славу.

Все заняли свои места, и Вадим проводил Катю к ее стулу.

– Да, дорогая, – кивнул Кате Карл Антонович, – ты будешь сидеть здесь. И, пожалуй, пришло время познакомиться. – Он представился сам, поочередно представил членов своей семьи и добавил: – Очень рад, Катенька, что ты наконец присоединилась к нам.

Сразу после этих слов две служанки в белых чепцах вплыли в комнату с подносами. Аромат приготовленных блюд усилился, и Катя нетерпеливо взяла ложку.

«Пообедаю, а там видно будет, – решила она, чувствуя, что попала в сумасшедший дом. – Вот уж не думала, что когда-нибудь буду сидеть за одним столом с выжившей из ума актрисой и настоящим графом».

Почувствовав на себе изучающий взгляд, она резко повернулась и встретила взглядом с Архиповым. «Смотри, сколько хочешь смотри, – подумала Катя, дерзко вздернув подбородок, – боишься, небось, что половина бизнеса перейдет ко мне... Хм, интересно, а чем они вообще занимаются?»

– Я владелец сети антикварных магазинов, разбросанных по всему миру, – продолжал граф как бы специально для Кати, – владелец фабрик, на которых изготавливается особая мебель – престижная, уникальная, с отделкой из редких пород деревьев, с инкрустацией перламутром, бронзой... Мне также принадлежат три ресторана, яхт-клуб, развлекательный центр и еще всякая ерунда по мелочи, – махнул рукой Карл Антонович, откидываясь на спинку кресла-качалки.

– А я работаю операционисткой в банке, и в прошлом году успешно приватизировала однокомнатную квартиру, доставшуюся мне по наследству от бабушки, – выдала свои достижения Катя. – А вы откуда так хорошо знаете русский язык?

– Я вырос в Москве, – мягко улыбнулся граф.

После этого все занялись едой.

Обед прошел в тишине, если, конечно, не считать стука ложек и вилок по тарелкам. Чувствовалась некоторая неловкость и, возможно, из-за этого никто не желал заговорить первым. После трапезы Карл Антонович пригласил Катю в библиотеку. По его просьбе худенькая девушка в чепце принесла коньяк, вино и фрукты. Убранство зала было таким напыщенно-музейным, что хотелось потрогать все это руками – настоящее или нет? Даже Карла Августа Кате хотелось немного пощекотать, и если бы он запищал тоненьким голосочком «Ой, не надо, не надо!», она бы вздохнула с облегчением и наконец-то поверила в то, что все это не бред ее больного воображения.

Через десять минут в библиотеку зашел Архипов. Чувствуя себя здесь как дома, он сел в кресло в углу и опять замер, точно удав, гипнотизирующий кролика. Катя постоянно чувствовала на себе его взгляд, что ее ужасно нервировало.

– Вы сказали, что я являюсь вашей родственницей, насколько это точно?

– На сто процентов. Мои службы работают безупречно, и никаких сомнений в нашем кровном родстве быть не может, – ответил Карл Антонович, делая маленький глоток коньяка.

Так это все правда? Не мираж, не бред, не сон?.. Ничего себе... НИЧЕГО СЕБЕ!!!

– А Марина на фотографии – это кто? – спросила Катя, ерзая на жесткой плетеной скамейке.

– Моя двоюродная сестра.

– А зачем вы прислали мне ее портрет?

– Хотел заинтриговать, – усмехнулся Карл Антонович. – Все и всегда должно быть так, как я хочу, и я использую любые средства для достижения своих целей.

«Значит, мы точно родственники, – подумала Катя, – потому что я точно такая же... Ну, где-то в глубине души».

– И зачем вы меня пригласили? – спросила она вслух. – Хотя я догадываюсь – вы хотите завещать мне все свое богатство. – Она едко улыбнулась и добавила: – Согласна, согласна, не уговаривайте меня, не уговаривайте, просто ткните пальцем, где надо расписаться. – Карл Антонович расхохотался и посмотрел на наследницу с искренней симпатией – да, именно такой он себе ее и представлял. Дерзкой, ехидной, несколько капризной и, несмотря на все это, – трогательно-ранимой и искренней.

– Да уж, не будем ходить вокруг да около, – промокая платком выступившие от смеха слезы, сказал он, – ты моя единственная наследница, и со временем я буду готов передать тебе все свое состояние.

– А чего тянуть? – пожала плечами Катя. – Есть же мудрые слова – никогда не откладывайте на завтра то, что можно сделать сегодня.

– Да, есть в этих словах некая истина... – побарабанил пальцем по краю золоченого подноса Карл Антонович, – но не все так просто... Чтобы вступить в права наследства, ты должна выполнить одно мое условие.

– Какое?

В комнате воцарилась тишина.

– Ты должна выйти за меня замуж, – раздался ровный голос Архипова. – И этот брак не будет из разряда фиктивных.

Катя медленно развернулась – по спине пробежал легкий холодок.

Значит, замуж... за него...

– И не подумаю, – мотнула она головой и спросила у Карла Антоновича: – Он же шутит, да?

– Нет, не шутит, – усмехнулся тот. – Федор Дмитриевич мой партнер по бизнесу. Долгие годы мы работали вместе и сколотили отличную компанию «Пфлюгге и Архипов», не дело разрушать построенное, наоборот, надо сохранить то, что есть. Сохранить и приумножить.

– Старые устои берут верх над разумом, – прокомментировала Катя и посмотрела на Архипова: – А вам сколько лет?

– Тридцать шесть.

– А мне двадцать семь, и вы для меня уже старый. Понятно?

Федор Дмитриевич промолчал – на губах заиграла странная улыбка, и Катя поспешила отвернуться, чтобы не перепугаться еще больше.

– Значит так, – сказала она, поднимаясь с плетеной скамейки. – Замуж я за него не пойду, он мне не нравится. Нет ли у вас кого-нибудь поприятнее?

Это Катя выпалила, чтобы потянуть время – обижать Архипова она не собиралась.

Но он и не обиделся – улыбка на его лице стала еще заметнее.

– Я, конечно, понимаю, – слегка раскачиваясь в кресле, произнес Карл Антонович, – в данном случае ты имеешь право немного покапризничать, но очень надеюсь, что уже к утру ты образумишься и примешь правильное решение.

– А если не приму?

– Часть состояния я передам Федору Дмитриевичу, часть пойдет моим близким людям, а все остальное будет поделено между благотворительными фондами.

Катя сдула челку со лба и закусила губу. Это что же делается, люди добрые! Не успела она расправить крылья после последних пяти лет нудной жизни, не успела прочувствовать легкость бытия, как шмяк – бабочкой-капустницей о лобовое стекло мчащегося автомобиля! Нет, так мы не договаривались! Не для

того она тащилась два километра по грязной дороге, не для того сгорала от любопытства, не для того уже начала верить в сказку и не для того делала вид, что все происходящее вокруг – и графы, и чокнутые актрисы – это нормально, чтобы отдать свое будущее непонятым благотворительным фондам!

– Вы блефуете, – сверкнула глазами Катя. – Вам будет до невозможности жалко растормошить свой бизнес и раздарить его по кусочкам направо и налево, если бы для вас это было приемлемо, вы бы спокойно оформили завещание на меня, не заботясь о том – выйду я замуж за достойного Федора Дмитриевича или нет!

– Напрасно ты так думаешь, – бросил Карл Антонович и сделал еще один глоток коньяка. Оторвал виноградину и отправил ее в рот. – Я именно так и поступлю.

– Вот что я вам скажу, – Катя села обратно на скамейку. – Замуж за этого малознакомого мне человека я не пойду, но обещаю получить второе высшее образование и начать разбираться в ценных породах дерева и на всякий случай в яхтах и бриллиантах. Хотите вы или не хотите, но выбора у вас нет, вы ни за что не осчастливите своим состоянием благотворительные фонды. Договорились? – она склонила голову набок – эта поза ей шла – и улыбнулась.

Карл Антонович поднял руки вверх, всем своим видом показывая поражение – да, не для того он из малого вырастил вместе с Архиповым необъятное, чтобы проститься с этим. Блефовал, блефовал... но ни к каким результатам это не привело...

– Значит, ты уверена, что справишься и сама... без мужа?

– Точно!

– И сможешь мне это доказать?

– Легко!

– Что ж, – протянул Карл Антонович, – я могу пойти на некоторые уступки... Да, с благотворительными фондами я погорячился, – он улыбнулся, – но, поверь, при желании я найду, кому передать свое состояние. Я даже готов оставить

абсолютно все Федору, – он повернулся в сторону Архипова, – уж он-то не пустит все нажитое по ветру...

– Я тоже не пушу, – замотала головой Катя.

Карл Антонович еще раз улыбнулся и продолжил:

– Отказываешься от брака – пусть так, но тебе все же придется выполнить несколько моих условий... Не думай, будто твоя дальнейшая жизнь потечет полноводной рекой. Я должен быть уверен, что ты сильный и целеустремленный человек, который может наравне с мужчиной управлять бизнесом, который готов самостоятельно принимать решения и нести за них ответственность, который действительно хочет продолжить мое дело и не свернет на середине пути. Но чтобы я убедился в этом, тебе предстоит пройти три испытания...

– Какие? – оживилась Катя, готовая в данную минуту на многое.

Карл Антонович выдержал паузу, а потом четко произнес:

– Пока я оглашу только первое – ты проживешь десять дней на необитаемом острове. Одна.

– Что?!

Воображение сразу нарисовало скалистый берег, пятно крикливых голодных чаек в небе, серый мокрый песок с нацарапанной палкой надписью «СПАСИТЕ НАШИ ДУШИ!!!» и горку обглоданных тонюсеньких птичьих костей.

– Если ты согласишься, то по возвращении получишь двадцать тысяч долларов.

Воображение тут же изменило курс, и в сознании замелькала иная картинка – голубая лагуна, пальмы, сгибающиеся до земли под тяжестью бананов и кокосов, плещущая у берега рыба, ровные шампурки с нежным мясом на углях, ласковое солнце и маленькие обезьянки, танцующие под музыку, льющуюся из магнитолы.

– Сорок тысяч, – выдвинула свои требования Катя.

- Двадцать пять, - ответил Карл Антонович.

Архипов сидел молча и не сводил глаз с наследницы.

- Тридцать.

- Двадцать шесть и ни центом больше! Объявляю торги закрытыми!

- Хорошо, - согласилась Катя. - А нельзя ли мне получить авансом шесть тысяч, мне необходимо купить купальник, крем для загара и шляпу.

- Без проблем, - улыбнулся Карл Антонович и поднялся с кресла. - Спасибо за душевный разговор, а теперь я, пожалуй, пойду - дела, дела.

- А какие будут следующие испытания?

- Об этом мы поговорим после того, как ты выполнишь первое.

- А я могу вернуться домой? - спросила Катя. - Мне надо уволиться с работы и прогуляться по магазинам.

- Конечно. Буду рад, если ты останешься на ужин.

- Я могу тебя подвезти, - сухо предложил Федор Дмитриевич.

- Спасибо, не надо, - поморщилась Катя.

Тащиться два километра пешком жуть как не хотелось, но и согласиться на предложение она не могла. Архипову дана полная отставка, и пусть себе не воображает! Да, она гордая и сильная, и лучше уж она проживет десять дней на необитаемом острове, чем выйдет за него замуж!

* * *

Лидия Герасимовна оторвала ухо от стены и раздраженно дернула головой:

– Ничего не слышно.

– Конечно, не слышно, – равнодушно пожал плечом Вадим, – там же полки с книгами.

– Что же задумал Карл... Когда он все отпишет девчонке?.. – Делягина сцепила руки и нервно заходила по комнате. – Ты должен ее соблазнить, пусть влюбится в тебя как кошка, и тогда...

– Мама, – Вадим сдвинул брови и закинул ногу на ногу, – во-первых, не надо спешить, во-вторых, я как раз этим и занимаюсь, и, в-третьих, девчонка не так проста, как тебе кажется.

– Безусловно, Карлу захочется, чтобы она вышла замуж за Федора... очень надеюсь, он не в ее вкусе. Кстати, он еще встречается с Ольгой?

– Вчера еще встречался, я видел их около казино. Шикарная женщина, мне бы такую.

– Забудь, слышишь – забудь! – взвизгнула Лидия Герасимовна и тут же осеклась, боясь, что ее кто-нибудь услышит. – Твоя голова сейчас должна быть забита только Екатериной Щербиной и больше никем. Я пятнадцать лет прожила в этом доме – он мой! И я не собираюсь уезжать отсюда или делить его с самозванкой.

– Она действительно родственница Карла, – скривился Вадим. Ему надоело просматривать колонку новостей, и, отшвырнув газету в сторону, он встал с дивана и подошел к двери. – Не беспокойся, я что-нибудь придумаю...

– Что, что ты придумаешь?

– Для начала можно попробовать поселить в ее душе недоверие к Архипову. Пусть побаивается его – это нам будет на руку. Пожалуй, я навещу Амалию Петровну, она же у нас непревзойденная актриса!

Он хохотнул и вышел из комнаты.

Глава 3

Слоняться по дому до ужина особого желания не было, поэтому Катя выбрала в библиотеке книгу, напичканную приключениями, и отправилась в свою комнату. Но буквы отказывались сливаться в слова, и смысл первой главы так и не дошел до сознания.

– А пожить немного на острове не так уж и плохо, – мечтательно вздохнула Катя, отправляя книгу на отделанную мягкой кожей тумбочку.

Да. Это будет отличное путешествие! Можно отдохнуть от суеты, от прелестей цивилизации, проявить себя в борьбе с некоторыми трудностями и приобрести красивый загар. Долой скучную жизнь и одиночество, да здравствует мир свершений и открытий! Ровно ничего не теряю, сказала она себе, и это стало последним аргументом «за».

До слуха долетел легкий шорох, а потом раздался неприятный звук, точно мышь скребет по стене. Катя осторожно встала с кровати и на цыпочках подошла к двери. Звук настойчиво повторился еще два раза.

– Кто там? – тихо спросила она и на всякий случай схватила за горлышко узкую медную вазу, стоящую на полу.

– Джульетта, – слышалось в ответ.

– Какая еще Джульетта?

– Мертвая.

– А что тебе надо?

– Я пришла рассказать правду.

– Какую?

- Важную. Мне ее нашептал Ромео...

- Тьфу, - в сердцах сказала Катя, понимая, кто к ней явился, и распахнула дверь.

На пороге стояла Амалия Петровна, отрекомендованная Вадимом как выжившая из ума актриса. Волосы собраны на затылке в пышный хвост, над губой нарисована идеально круглая родинка, в ушах серьги с крупными переливающимися стекляшками, янтарные бусы поверх кофты-балахона. «На Джульетту не тянет, - мелькнуло у Кати в голове, - хотя, если на мертвую...»

- Вы по какому вопросу?

Амалия Петровна оглянулась и, протаранив Катю пышным бюстом, вплыла в комнату.

- Я вчера подслушала разговор Карла и Архипова, - зашипела она, смешно дергая носом. - Замуж они тебя хотят отдать.

- Ну, это я знаю, - ответила Катя, - и этот вопрос я уже успела утрясти.

- Ничего ты не знаешь, - выпучила глаза «Джульетта». - Мужем тебе назначен не простой человек...

- А кто? - на всякий случай поинтересовалась Катя, размышляя над тем, как бы поаккуратнее выставить гостью в коридор.

- Имя его - Синяя Борода! - Амалия Петровна затрясла головой и скорчила страшную гримасу. - Здесь... в подвале... жены его лежат...

«Вы в своем уме?» - хотела спросить Катя, но зачем спрашивать то, что и так ясно. Сочувственно погладив женщину по руке, она тяжело вздохнула и сказала:

- Спасибо большое, учту.

- Это хорошо, - кивнула Амалия Петровна и прислушалась. В ушах гудели слова Вадима, которые он десять минут назад настойчиво повторял, направляя ее к комнате гостя. «Джульетта» шмыгнула носом и добавила: - Никто же тебе,

кроме меня, правду не скажет... У Архипова было пять жен, и все они умерли якобы от болезней... но это вранье!

– Если бы дела обстояли именно так, – Катя попробовала призвать женщину к логике, – то им бы уже давно заинтересовались следственные органы.

– Маленькая ты еще и глупенькая, он же богатый, у него все куплено, – она подняла вверх указательный палец, причмокнула губами и с чувством выполненного долга вышла из комнаты.

– Бред какой-то, – пробормотала Катя и плотно закрыла дверь. Конечно, никакие мертвые жены тут в подzemелье не тухнут... зачем Архипову тащить покойниц в дом Карла Антоновича? Да и вообще, разве можно воспринимать эти слова всерьез? – Нельзя, – ответила себе Катя и вновь улеглась на кровать и даже взяла книгу в руки.

Но мысли принялись плести паутину, и избавиться от этого наваждения совершенно не получалось. Был ли женат Федор Дмитриевич? Сколько раз и действительно ли он вдовец? А если вдовец, то отчего умерли его жены?

Через десять минут Катя сгорала от любопытства и почти уверилась в том, что Архипов прикончил минимум трех несчастных женщин.

– Мне до этого нет никакого дела, я же не согласилась выйти за него замуж, – попыталась она убедить себя, но ноги уже свешивались на пол, а в голове рождался план: как бы проникнуть в комнату, где он гостит, отыскать паспорт и заглянуть на страничку «Семейное положение».

Катя вышла в коридор, осторожно скользнула к лестнице и осторожно свесилась через перила. Архипов сидел на диване на первом этаже и листал журнал, делая пометки на полях.

– Уработался, бедненький, – прошелестела губами Катя и на цыпочках пошла по коридору.

Одна дверь, другая, третья... Кажется, вот сюда направлялся Федор Дмитриевич, когда вышел из библиотеки.

Катя прислушалась. Тихо. Нажала на ручку двери – раздался легкий щелчок, и она открылась.

Первое, что она увидела, войдя в комнату, – коричневая борсетка на нижней полке низкого шкафа.

– Да, – расплываясь в довольной улыбке, сказала Катя, – это именно то, что мне нужно.

Вжик! «Молния» открылась...

Водительские права, куча удостоверений, сложенные пополам тысячные купюры, паспорт... Не торопясь, двумя пальцами, Катя вынула нужный ей документ и зашуршала страничками.

– Если ты хочешь что-то узнать обо мне, то можно просто спросить, – раздался насмешливый голос Архипова, – я готов честно ответить на любой вопрос девушки, на которой я не прочь жениться.

Попалась... Катя покосилась на Архипова, затем перевернула еще одну страничку и посмотрела на девственно чистый лист семейного положения. Черт! И зачем она только послушала чокнутую Амалию Петровну – знала же, что она ненормальная и живет в мире выдуманных историй!

Архипов подошел ближе и заглянул в собственный паспорт.

– Тебя интересует, был ли я женат? – усмехнулся он.

– Меня ничего не интересует, – ответила Катя и, кинув паспорт на полку, хотела сбежать, но Архипов ее удержал, схватив за локоть. – Просто шла мимо и решила – загляну, вдруг вы страдаете после отказа, может, вас надо утешить... ну и все в таком духе, – попыталась она выкрутиться.

– Я именно так и подумал, – усмехнулся Федор Дмитриевич еще раз. Резко притянул ее к себе и пригвоздил к полу взглядом. – Ну, и как же ты хотела меня утешить?.. – его правая бровь взметнулась вверх. – Кстати, еще не поздно передумать... – более тихо произнес он.

Почему-то только сейчас, находясь так близко к несостоявшемуся жениху, Катя обратила внимание, что он хорош собой и вовсе не старый. Она вдохнула аромат его терпкого парфюма и почувствовала, как где-то внутри – в области сердца – закололо иголочками.

«Еще не поздно передумать», – пронеслись в голове его слова.... Самодовольный болван – вот он кто! Да – сейчас она запрыгает от счастья и бросится ему на шею – разбежался! Кате стало до невозможного обидно за себя – она по-прежнему никому не нужна, а нужны ее деньги (вернее, пока еще не ее, но это же мелочи).

– Мне бы кого-нибудь помоложе, – протянула она, полагая, что это его обидит. – И отпустите меня, а то заору.

Архипов убрал руки за спину и, улыбаясь, ответил:

– Не надо кричать, пожалей меня – старого больного человека, и так уже стал плохо видеть и слышать.

Катя фыркнула и направилась к себе, а Федор взял с полки паспорт, пролистал его и, остановившись на страничке «Семейное положение», тихо произнес:

– Здесь будет штамп и уже очень скоро.

Глава 4

Сразу после ужина, на котором пришлось быть любезной и подчеркнuto не замечать Архипова, Катя со всеми попрощалась и с тоской в душе приготовилась вновь преодолевать два километра до остановки маршрутных такси. Дядюшка, как уже успела понять Катя, считал, что характер надо закалять, а не искать легких путей, поэтому предложения подвезти от него не последовало. Отшитый жених тоже повел себя сдержанно – скрылся за дверью библиотеки, даже не намекнув, что его черная полированная карета под названием «BMW» готова отвезти ее куда угодно и когда угодно.

Гад, мысленно прошипела в его адрес Катя.

Подмога пришла со стороны Вадима. Он довез гостью до самого дома и в знак благодарности получил номер мобильного телефона и искренние заверения в дружбе. Вылезая из машины, Катя даже подумала: и почему надо выйти замуж не за Вадима? Он, в отличие от некоторых, приятен и галантен.

Переступив порог своей однокомнатной квартиры, она почувствовала немислимое облегчение. Шелк, бархат, графы, мертвые жены, балдахины и позолоченные кубки – это все, конечно, хорошо и даже интересно, но куда спокойнее находиться среди привычных вещей – простых и до боли родных. Зеркальный шкаф с раздвижными дверьми, купленный со скидкой, разобранный диван, застеленный оптимистичным постельным бельем в розовый горошек, худосочный кактус, забывший, что ему надо расти вширь, а не ввысь, светло-коричневый ковер с пятном от джема почти посередине; стол, заваленный журналами, и кружка с недопитым чаем на полу около кресла – вот ее привычный мир!

– Тяжело мне будет жить в богатстве, – вздыхая, сказала Катя. – Ну, ничего не поделаешь, есть такое слово – «надо», – добавила она уже с улыбкой.

Шесть тысяч долларов, выданные Карлом Августом авансом, требовали немедленных походов по магазинам. И последующие три дня Катя тратила деньги быстро и со вкусом.

Она никогда не была особой модницей – покупала ту одежду и обувь, которые соответствовали ей же придуманной марке «Вполне, а почему бы и нет». Зарабатывала она сносно, но все же недостаточно, чтобы уверенно входить в сверхмодные бутики. Конечно, можно было и на рынке или в доступном по ценам магазине высмотреть что-нибудь стоящее, но тут подключалась апатия и вселенская тоска, когда толкотня между прилавками становится скорее раздражителем, нежели удовольствием.

Но теперь другое дело! У нее есть деньги – судьба наконец-то сделала кувырок через голову. (Ура! Ура! Ура! И три ха-ха!)

Особое внимание Катя уделила пляжным вещичкам. В итоге были куплены два ярких купальника: бирюзовый и красный (оба отдельные, оба сексуальные), широкополая шляпка с забавным белым бантиком, вязаная крючком сумочка с рядом разноцветных пуговиц на ремешке, три парео (с бахромой, с бисером и с

кружевами), босоножки на каблукке, пляжные шлепки с плавающими в прозрачной подошве золотыми рыбками, сарафанчик на тонюсеньких бретельках, две коротенькие юбочки и куча футболок и топиков.

– Даже жаль, что меня в этой красоте никто не увидит, – с сожалением сказала она, вертясь перед зеркалом в примерочной. И во второй. И в третьей.

Еще Катя купила набор средств для загара и точно такой же набор против загара – собираясь их чередовать, она надеялась получить идеальный тон кожи. Также ко всему этому был приобретен пухлый чемодан на колесиках с очаровательной выдвигающейся перламутровой ручкой.

– Ну, надеюсь, на этом острове есть хотя бы обезьяны, – сокрушенно покачала она головой около кассы, продолжая жалеть, что все ее старания и вкус никто не оценит.

Остров как испытание уже несколько ее не пугал, наоборот, он манил своей неперменной красотой и экзотикой. Потратив приличную часть полученной суммы на одежду и побрякушки, Катя решила сделать свое пребывание вдали от родины как можно более уютным и комфортным. Конечно, там будут ананасы и бананы, палатка и надувной матрас, лодка и мангал, но все же не надо забывать, что дядюшка-граф намекал на трудности. Он же отправляет ее в такую даль не с целью поправить здоровье и отдохнуть – он хочет убедиться, что она может наравне с мужчиной (с этим противным Архиповым!) встать у руля фирмы. Только в том случае, если она докажет свою способность плавать в бизнесе самостоятельно, она получит кусок жирного пирога. Только тогда от нее отстанут с требованиями связать себя узами брака. Опять же с этим несносным Архиповым!

А из этого следует что? А из этого следует, что дядюшка ей наверняка немного осложнит жизнь на острове. Вряд ли он вырубит все плодоносящие пальмы, но лишит некоторых удобств – вполне может, и по идее даже должен.

Поразмышляв на эту тему, Катя купила небольшую сетку для ловли рыбы: чего с удочкой-то возиться, а червяки – это вообще фу-у-у. Добавила еще фонарь, десять зажигалок, три блока всепогодных спичек, два блока сигарет, флягу, бутылку водки в качестве лекарства от всех болезней и бутылку кофейного ликера для души, миску, вилку, ложку, кружку, тонкое и теплое одеяло, три

пачки макарон, порошковое картофельное пюре, пачку соли, упаковку чайных пакетиков в количестве сто двадцать пять штук. И топор. Все остальное – по мелочи, предполагалось найти дома.

– Я готова, – твердо заявила она Карлу Августу фон Пфлюгге, когда тот позвонил в назначенный день. Привязала к чемодану пакет с двумя кастрюлями и повторила уже для себя: – Я готова!

Глава 5

– Здравствуй, Катенька! – раскинул объятия Карл Антонович, встречая родственницу в аэропорту, – надеюсь, ты не боишься летать на самолетах?

– Ну что вы, – улыбнулась Катя. – Я просто обожаю летать на самолетах.

Нет, не даст она никому усомниться в своей стойкости – нет в ее душе страхов. НИ-КА-КИХ!

«В этом месяце уже было две авиакатастрофы, значит, третья – перебор, значит, я долечу», – утешила себя Катя, подходя к трапу.

– Рада, что вы летите вместе со мной, – сказала она, когда в ушах задрожал гул двигателей.

– Хочу лично проводить тебя до острова, – мягко улыбаясь, ответил Карл Антонович.

– Кстати, а почему именно Панамские острова?

– Одно время я увлекался покупкой недвижимости, и мне там многое знакомо, – ответил Карл Антонович. – Прекрасные места: заповедники, пляжи, тихие улочки городов, рыбалка...

– Ну да, – кивнула Катя и мрачно добавила: – Иначе порыбачить вам негде...

Ишь ты! Хочет убедиться, что она достойно встретит выпавшие на ее долю испытания. Но только она не дрогнет, не испугается переедания бананами и кокосами!

За границей Катя была только два раза и очень надеялась, что перед встречей с обещанным островом ей будет позволено прогуляться по этим самым «тихим улочкам». Она хотела отведать блюда местной кухни и прикупить сувениров. Но Карл Антонович такой роскоши ей не позволил. Сославшись на то, что ее пребывание здесь рассчитано до дня, он сделал несколько звонков, и ближе к обеду они были приглашены на белоснежную яхту – Катя только полтора часа наслаждалась мягкими диванами в отеле и наспех перекусила салатом из морепродуктов и лепешкой.

Красота, окружающая ее, мелькала точно кадры диафильма, так и хотелось крикнуть – да стойте же вы, сколько можно торопиться, дайте насладиться природой!

– Все взяла, ничего не забыла? – спросил Карл Антонович, наблюдая, как служащий отеля с легкостью несет Катин чемодан. И если бы не гремящие в пакете кастрюли, можно было подумать, что ему не составляет никакого труда тащить вещи улыбающейся до ушей туристки.

– Ага, все.

«Звяк-звяк», – донеслось из пакета, и служащий тоже улыбнулся, только слишком уж торопливо и натянуто.

Яхта своим видом убила Катю наповал. Ей казалось, она увидит маленькое суденышко с белым парусом, на котором будет суетиться один, почему-то обязательно кривоногий, местный житель, но яхта оказалась огромной с небольшой моторной лодкой, раскачивающейся на веревках.

– Это не яхта, а корабль, – сказала она Карлу Антоновичу.

– Какая разница, – отмахнулся он и улыбнулся, – главное, что она называется не «Титаник».

– Да, это утешает, – ответила Катя и бодро добавила: – Вперед по волнам Карибского моря!

Граф задумчиво посмотрел на свою наследницу. В его глазах мелькнула искра сочувствия, а губы на секунду вытянулись в струну. Но он тут же изменил выражение лица на прежнее и, кивнув одетому в идеально отутюженный костюм капитану, протянул Кате руку.

– Добро пожаловать на борт, – сказал он, не обращая внимания на то, как протестующе звякнули кастрюли в целлофановом пакете.

Волны Карибского моря ласково встретили путешественников и понесли их вперед к одному из островов архипелага Бокас-дель-Торо.

* * *

Катя к каждому берегу относилась как к родному. Вот здесь, наверняка вот здесь ее высадят. Песчаный пляж, яркие домики туристов и аккуратненькие кафе. Да, это обитаемый остров, ну и что – почему бы не помечтать, он же такой красивый! Или пусть ее высадят здесь, на очаровательном кусочке суши, покрытом пальмами, тянущимися к теплему солнцу...

– Я рекомендую тебе вести дневник, – услышала Катя и обернулась.

Карл Антонович в клетчатых шортах и белой майке показался непривычно домашним, и от этого настроение улучшилось. Кто знает, может, они действительно в недалеком будущем станут одной семьей и почувствуют некую родственную связь.

Катя пожала плечами и улыбнулась:

– Зачем? Вам нужен отчет?

– Нет, но мне кажется, потом тебе будет интересно перечитать свои заметки.

– Ну, не знаю, как получится...

А чего записывать-то? Катя наморщила лоб, пытаюсь представить возможные варианты:

11:00 проснулась.

11:30 слезила на пальму, поела бананов.

12:00 надоело вегетарианство, поймала рыбу, приготовила ее на огне, с удовольствием съела.

12:30 легкие физические упражнения – плавание вдоль берега.

13:00 солнечные ванны...

О! Чуть не забыла – трудности! Надо их обязательно вставить, чтобы дядюшка потом не придирался и не говорил, что жить ей было слишком легко.

С 12:00 до 12:01 – добыча огня при помощи зажигалки.

– Кстати, у меня есть для тебя небольшой подарок, – Карл Антонович протянул небольшой черный пакет.

– Что это?

– Пистолет-ракетница, рекомендую тебе изучить инструкцию сразу же по прибытии на остров.

– Но зачем мне эта штука? – Катя сунула нос в пакет.

– Как только захочешь вернуться домой – стреляй вверх. За тобой приедут, но это будет означать, что испытание ты не выдержала, и нам вновь придется вернуться к разговору о браке...

– Значит, стрелять вверх... понятно, понятно – проще простого... Вы, наверное, заляжете в засаде на соседнем острове и будете ждать от меня сигнала, – Катя хмыкнула и сморщила нос. Последние слова дядюшки она намеренно оставила

без внимания.

– Именно так я и поступлю, – сдерживая улыбку, ответил Карл Антонович.

Катя сунула пакет под мышку и, вновь повернувшись к морю, стала мысленно перебирать купленные вещи. Сногшибательный красный купальник, парео с бахромой, шлепки с блестящими рыбками, шляпа... Как же хорошо, как хорошо! И ничуть не жалко прежней жизни – разве могла она себе представить, что в один миг все так сказочно перевернется яркой оберткой кверху, и она вдруг окажется перспективной наследницей, плывущей в данную минуту к своему счастью?..

Когда Карл Антонович показал Кате песчаный берег и сказал: «Ну вот мы и на месте», она вцепилась в перила и с нетерпением стала всматриваться в очертания острова.

Да! Это сказка! Желто-зеленая клякса на голубых просторах, верхушки пальм и запах приключений!

– Чудесно! – выдохнула она, точно была уставшим путником в пустыне, наконец-то добравшимся до оазиса.

В лодку Катя ступила с гордо поднятой головой – ей предстоит тяжелое испытание (ха-ха), но она ничего не боится, и пусть все это видят.

Она старалась быть строгой и сдержанной и улыбнулась только один раз, когда рядом с ней поставили чемодан с перламутровой ручкой. Скорее, скорее бы переодеться во все новенькое!

Но сдержанность все же растаяла без следа, когда лодка притормозила за несколько метров от берега. Катя опустила ноги в теплую воду и, не скрывая своего восхищения, медленно пошла к сухому, нагретому солнцем, песку.

– Ну как? – раздался за спиной голос Карла Антоновича.

– Супер, – практически простонала Катя.

Ловкий помощник капитана, сопровождающий их на остров, подхватил чемодан с позвякивающими кастрюлями и заторопился на берег. Поставил его рядом с девушкой на песок и вернулся в лодку.

- До свидания, - бодро попрощался Карл Антонович, махнув рукой.

- До свидания, - ответила Катя, обернувшись.

- Десять дней, - напомнил он.

- Без проблем, - заверила она.

Мотор загудел, и лодка направилась к яхте.

- Проваливайте, проваливайте, - кивнула Катя, с нетерпением расстегивая «молнию» чемодана. - Мне надо устроиться поудобнее, переодеться, и вы мне тут совершенно не нужны...

Она вынула из чемодана первый пакет и замерла. Что-то было не так... Прогоняя дурное предчувствие прочь, она стала торопливо извлекать свои запасы на свет. Но долго стараться не пришлось - чемодан был практически пуст. Тонкое одеяло, зубная щетка, одна зажигалка, нож, непонятно откуда взявшаяся толстая тетрадь и ручка, фонарик и пистолет-ракетница - все... Еще к этому богатству можно было приплюсовать две кастрюли, выжившие в пакете, и одежду, которая была на ней. В остальных пакетах, занимающих приличную часть чемодана, лежали раскрошенный пенопласт, обрезки поролона и три увесистых булыжника...

Сердце у Кати защемило, а в душе произошел такой взрыв, что на секунду показалось, будто остров содрогнулся как от землетрясения.

Подскочив, наследница принялась расшвыривать пакеты по берегу.

- Гад! - крикнула она, глядя на белую точку, удаляющуюся от нее.

- Негодяй!!! - заорала она, нагибаясь и хватая горсть горячего песка.

– Ворюга, отдай мои вещи!!! – взревела она, кидая песок вслед обманувшему ее графу Карлу Августу фон Пфлюгге.

– Это нечестно!!! – Катя оступилась, упала и больно ударилась копчиком о торчащий у края воды камень. – Лжец, бессовестный лжец... – заныла она, вновь почувствовав себя неудачницей.

Еще целых десять минут Карибское море терпеливо выслушивало емкие, сдобренные угрозами обвинения и проклятия.

«Мерзкое солнце, да чтоб ты сдохло!» – немного успокоившись, сделала Катя первую запись в тетради. Подумала о том, что после испытания это может прочесть ненавистный дядюшка, тут же вырвала страничку и написала:

«Погода чудесная, никогда я не была так счастлива. Чувство свободы не покидает мою душу, а желание преодолеть все преграды толкает на подвиг».

– Ничего... десять дней как-нибудь проживу... Потом заберу оставшиеся двадцать тысяч долларов и потребую кабинет и кресло в вашей дурацкой фирме «Пфлюгге и Архипов» и только попробуйте ущемить мои права хоть в чем-нибудь. Только попробуйте! Еще узнаете, на что способна Щербина Екатерина Александровна, еще узнаете!

Катя встала с песка, отряхнулась и, все еще негодуя, принялась собирать разбросанные пакеты и засовывать их обратно в чемодан. Плечи горели и чтобы не спалить их окончательно, она укуталась с головой одеялом и, вяло передвигая ноги, волоча за собой чемодан, изредка всхлипывая, пошла в глубь острова: там спасительная тень, там вода и там ее будущая жизнь.

Глава 6

– Надеюсь, змей я не побеспокою, – нахмурившись, сказала Катя и, отбивая чечетку, прошлась по кругу. Трава примялась, что и требовалось. – Здесь я построю дом... одноэтажный. А здесь, – она сделала выпад в сторону, – буду

разводить огонь, как и положено каждой порядочной первобытной женщине.

Оглянувшись, Катя отметила, что напиленных бревен, гладких досок, гвоздей или хотя бы молотка нигде не валяется.

– А никто и не говорил, что будет легко, – бодрилась она. И тут же, отбросив мысли о жилье на неопределенной срок, решила раздобыть что-нибудь съестное.

Припрятав вещи под длинными широкими листьями куста, она двинулась в лес.

Уже через пять минут она отказалась и от этой затеи – в данной части острова растительность сплошь закрывала землю, а страх наступить на змею или скорпиона был слишком велик. К тому же, сарафан доходил только до колен, и переплетенные стебли незнакомых растений больно хлестали по голым ногам, оставляя широкие липкие следы. Вернувшись, Катя села на ствол дерева, то ли рухнувшего от старости, то ли поваленного ветром, и тихо заплакала.

Поборов вторую истерику, она лишила пышный куст двух бурых листьев, сунула их под лямки сарафана, достала нож – на случай встречи с дикими животными, дернула перламутровую ручку чемодана (ох, как же звякнули кастрюли) и вернулась в горячее царство песка.

– Я на экскурсии, просто на экскурсии, – торопливо сказала она и пошла вдоль берега.

Десять дней. Десять дней! Это невыносимо! Ни еды, ни пресной воды, ни привычных вещей, ни сигарет... О! Как же хочется курить! Не надо, не надо было вспоминать об этом!..

Катя остановилась, посмотрела на сухой лист, валяющийся на песке, и прикинула – а хорошая ли получится самокрутка из этого «панамского табака»?

Никотином она злоупотребляла не часто, но уж когда волновалась, то обязательно хваталась за сигарету. Сейчас же волнений было столько, что хоть половником черпай.

- Нет, - запретила себе Катя и двинулась дальше.

Такую роскошь, как лишний щелчок единственной зажигалки, она себе позволить не могла. Вот разожжет костер, тогда, может быть...

- А я умнею на глазах... Да, точно - умнею!

Этот вывод ее несколько приободрил. Шаг стал шире, а на лице появилась улыбка - первая с момента высадки на остров.

Преодолев полкилометра, Катя сделала еще одну запись в тетрадке:

«Пропитания пока не нашла (если не считать ярк о-красных птиц, порхающих с ветки на ветку)».

Остров оказался небольшим - хорошо это или плохо, пока было непонятно. Обойдя его по кругу, изрядно вспотев, будущая наследница многомиллионного состояния решила предпринять еще одну попытку знакомства с местной флорой и фауной. Бросив свой элегантный чемодан на берегу, она выбрала не слишком заляпанное зарослями место и устремилась в глубь тропического леса.

За решительность и смелость Катя была тут же вознаграждена - она наткнулась не только на ручеек с пресной водой, но и на тощую высокую пальму, на макушке которой гроздьями висели зеленые бананы.

- Да! - вскричала она, подпрыгивая от счастья. - Я сделала это! Я сделала это! Я нашла!

Последующие телодвижения описанию не поддавались, сама же Катя полагала, что она танцует. Причем не абы как, а очень виртуозно - как и положено танцевать первобытной женщине. Совершались эти акробатические выпады с громкими «ух, ух!», с протяжными «о-лѐ-лѐ!» и с подбадривающими «бей в барабаны, бей!». К кому именно взывала Катя, оставалось и для нее, и для ярко-красных птиц полной загадкой.

Островитянка самозабвенно размахивала руками, поочередно поднимала ноги, трясла головой, крутилась на месте и с возрастающим аппетитом поглядывала

на пальму.

Пальма же не разделяла Катин энтузиазм и отдавать бананы добровольно категорически отказалась. Наклонить ее сил не хватило.

– Я возьму тебя штурмом! – объявила Катя и с разбегу прыгнула на тощий, но крепкий ствол.

Подтянувшись на руках на десять сантиметров, она сморщилась, крякнула и, признавая свое поражение, сползла на землю.

– Не очень-то и хотелось, – фыркнула она и добавила: – Стой здесь, никуда не уходи, я потом с тобой разберусь.

Напившись из ручейка, Катя вернулась на берег. Часы она не носила, а узнать время, хотя бы приблизительно, возможности не было. Интуиция же подсказывала только одно – пора искать место для ночлега.

В животе ворочался голод, но, прикинув, что чем раньше она ляжет спать, тем лучше – все же останется только девять дней испытания – Катя мужественно отложила все мысли о еде, костре и сигарах на завтра.

Устроиться она решила на берегу: на пяточке, покрытом мягкой зеленой травой. Натаскав широких листьев, сорванных с приятно пахнущего приземистого растения и соорудив из них нечто, слабо напоминающее постель, она легла, накрылась одеялом и устало вздохнула:

– Господи, а не так уж все и плохо...

И хотя в ее положении можно было попросить очень многое, она не сделала этого – может, не хватило сил, может, побоялась навлечь на себя еще какие-нибудь напасти или просто начала ценить то, что имела...

– Спокойной ночи, остров. Спокойной ночи, бананы, спокойной ночи, все, все, все, – пробормотала Катя и закрыла глаза.

Но москиты откладывая свой ужин не собирались и спать им совершенно не хотелось...

Глава 7

Утро. Первая запись в дневнике – вырвана, смята и отложена в сторону для активного участия в разведении костра. Она гласила:

«Сволочи! Они жрали меня всю ночь! Они набрасывались, точно скопище псов, сдирали с меня кожу, откусывали мои лучшие кусочки и громко чавкали, желая друг другу приятного аппетита! Сво-ло-чи!!

Мои ноги покрыты красными лепешками, я похожа на мухомор, который вывернули наизнанку. Я несчастна, бесконечно несчастна и хочу спать! Какой дурак сказал, что хорошо быть богатым?!

Я готова купить москитную сетку за двадцать тысяч долларов, но кто мне ее продаст?!»

Вторая запись в дневнике – читайте, Карл Антонович, читайте:

«Ночью я познакомилась с местными жителями – москитами. Приятным это знакомство не назовешь, но с другой стороны – я похудела... на два литра крови.

Сегодня планирую:

- построить шалаш,
- заняться рыбной ловлей,
- разжечь первый костер,
- помедитировать (связь с природой здесь просто удивительная)».

Катя сидела на берегу и чесалась. Злилась, запрещала себе это делать и все равно чесалась. Ноги и руки были украшены красными припухшими пятнами, а в глазах застыла вселенская тоска. Н-да... не думала она, что жизнь на столь дивном острове может быть такой суровой. Прощай, оптимизм, прощай.

– Наверное, дядюшка, вы сейчас кофе употребляете... со сливками и сахаром, – едко сказала Катя, скидывая одеяло с плеч. – Бутерброд, наверняка, едите... с сырокопченой колбаской... а еще перед вами стоит белое блюдечко с пирожным – песочная корзиночка, наполненная творожным кремом и фруктами... И не стыдно вам, Карл Антонович?.. – Она тяжело вздохнула и добавила: – Не стыдно...

Поднявшись с кучи примятых листьев, Катя отряхнулась, одернула сарафан и решила во что бы то ни стало благоустроить свой быт. Мысли о бананах не давали покоя, но, рассудив, что лучше относиться к ним как призу за усердие (а как еще заставить себя не ныть и что-то делать?), она занялась строительством жилья.

Сначала она собиралась соорудить нечто прочное и обязательно красивое: ровненькие стены из веток, крыша холмиком, широкая кровать, которая не расползется во все стороны после первой же ночи, небольшая дверка и клумба под окном (ну окно-то сделать не проблема...). Но натаскав веток, ободрав коленку и порезав ножом палец, Катя передумала.

Кому вообще нужны стены?

Зачем нужна дверь? От кого запираяться? От mosкитов?

Продержаться-то надо всего девять дней, так что самое важное – это крыша! Если зарядит дождь, то будет где спрятаться – о большем можно не беспокоиться.

Катя взяла тонкую веточку и начертила на песке нечто напоминающее этажерку.

– Да, – кивнула она, считая себя в данную минуту выдающимся архитектором современности.

Час ушел на то, чтобы найти подходящий для строительства материал. Выбор пал на полые, тонкие, но крепкие стволы отживших свой век деревьев – вылитые водопроводные трубы. Притащив шесть штук к берегу, Катя счастливо вздохнула и, буркнув: «А жизнь-то налаживается», принялась крепить их горизонтально к четырем кучненько растущим пальмам. Веревку заменили напоминающие змей лианы – с трудом, но их все же удалось перепилить в нужных местах уже затупившимся ножом.

Катя пыхтела, кряхтела, злилась, покусывала губы, откидывала с глаз золотистую челку и продолжала трудиться. Сейчас ей хотелось доказать, что она может многое и доказать хотелось не только дядюшке или даже всему миру, но главное – себе самой.

Вытянув руки вверх, Катя вязала узлы, которые для крепости обматывала еще раз лианой. Крепость была весьма относительной, но все же конструкция медленно, но верно обрастала деталями, все больше напоминая желанную этажерку.

Через два с половиной часа Катя отошла к морю и со стороны посмотрела на дело рук своих. К четырем пальмам приблизительно на два метра от земли были привязаны гладкие стволы, образующие прямоугольник с крестом внутри. Осталось только положить сверху подходящие широкие листья, и крыша готова!

Сбор и укладка листьев оказались самым легким этапом в строительстве. С этим Катя справилась довольно быстро. Уставшая, но счастливая, она отложила конструирование кровати на вечер и бодро отправилась к ручью за бананами.

Запись в дневнике:

«У меня теперь есть дом, который по своей прочности переплюнет жалкие постройки Ниф-Нифа, Нуф-Нуфа и Наф-Нафа!»

– Доброе утро, мои голубчики, – задрав голову, поприветствовала Катя бананы и тут же добавила, поглаживая живот: – Сейчас, сейчас... Потерпи еще немного.

Разбег! Прыжок!.. И вниз на землю...

Ничего, ничего, где наша не пропадала!

Разбег! Прыжок! Держаться! Держаться! А теперь вверх – так, так... десять сантиметров... подтянуться... как там учил в свое время физрук?.. Еще. Ноги поджать... У-у-ух! И вниз на землю...

– Мне нужна обезьяна, – с твердой уверенностью сказала Катя, поднимаясь с колен. – Я научу ее приносить мне бананы, и проблема решится сама собой. Обезьяна! Ау! Обезьяна!!! Где ты?!!

– У-йа! У-йа! – раздалось в ответ, и кусты за спиной зашевелились.

Катя от неожиданности подскочила, обернулась, зажала рот рукой, чтобы не заорать, и стала отступать назад, пока не уперлась в пальму. Воображение нарисовало огромного Кинг-Конга, который сегодня тоже еще не завтракал...

Листья раздвинулись, и Катя увидела маленькую несколько вытянутую обезьянью мордашку. На голове светлый пучок волос, плоский нос, тонкие губы и весьма ехидный взгляд.

– Здравсти, – на всякий случай выдохнула Катя и тут же перешла к мирным переговорам. – Я тут у вас ненадолго...

– У-йа, – спокойно ответила обезьянка, почесывая затылок длинным пальцем.

– Не могли бы вы, если это, конечно, вас не затруднит, достать хотя бы один банан вот с этой пальмы и отдать его мне... Понимаете, мой дядюшка – граф Карл Август фон Пфлюгге, весьма своеобразный человек, и он... предложил мне пожить на этом острове в качестве испытания... Э-э-э... – Катя на секунду задумалась – стоит ли доверять обезьяне? Решив, что лучше сохранять нейтральные соседские отношения, не подразумевающие дружбу, она продолжила: – Мне здесь очень нравится, но только хочется есть... Так как насчет банана?

Обезьянка с интересом изучила то, что она отыскала в собственной голове, облизала палец, сморщила физиономию (мол, что пристала ненормальная) и прыгнула сначала на ветку повыше, а затем и вовсе исчезла в листве деревьев.

– Дядюшкин прихвостень! – крикнула ей вслед Катя и с тоской посмотрела на пальму.

Напившись из ручья воды, она сделала еще несколько попыток добраться до зеленых бананов, но все они оказались тщетными. Сбить их длинной палкой не получилось, а сама пальма – зараза такая! – практически не наклонялась. Запрещая себе впасть в отчаяние, Катя решила переключиться на рыбную ловлю.

Удочки нет, лески нет, крючка тоже нет – но это не такая уж и проблема. Смекалку еще никто не отменял! Если хорошенько подумать, если попытаться вспомнить все, чему учили в школе, если откопать в памяти пару-тройку книжек и фильмов по нужной тематике, то выход найдется.

Катя беспощадно оторвала от сарафана одну лямку и с ее помощью прикрепила нож к концу ровной и прочной ветки. Немного прогулялась по берегу, подбирая наилучшее место для ловли, и зашла в воду. Вскинув на плечо только что сделанное копье, она хищно улыбнулась.

– Сейчас, сейчас... – прошептала она, щурясь.

Простояв в воде около пятнадцати минут, изучив до песчинки ровное дно, Катя наконец-то увидела долгожданную рыбешку. Плоская, золотистая с красноватым брюшком, она, не торопясь, плыла по своим делам, не подозревая, что ей уже вынесен смертный приговор.

– Иди сюда, иди сюда, моя вкусенькая... – тихо протянула Катя и от волнения закусила губу.

Рыба не то по молодости и глупости, не то вообще по наивности, подплыла поближе и сделала маленький почетный круг вокруг Кати, демонстрируя свою красоту.

У-у-ух! Копье полетело в воду, и на секунду видимость пропала.

Катя, опустив задранный подол сарафана, предвкушая отличный обед, бросилась вперед. Но реальность оказалось несколько иной – нож скользнул

сантиметров за тридцать от рыбы, которая, струхнув, драпанула изо всех сил куда подальше от опасных для жизни мест.

- Ничего... первый блин комом...

Следующую жертву пришлось ждать еще дольше. Ею оказалась круглая пузатая рыба с ярко-голубыми плавниками и оранжевым хвостом. Будь она чуть поменьше, то вполне бы сошла за обительницу роскошного аквариума, которую и есть-то неловко, но размеры оказались очень даже неплохими, да и Катя сейчас находилась в таком голодном состоянии, что приступы щепетильности сошли на нет.

Вторая попытка оказалась еще плачевнее первой – рыба среагировала на взмах руки и исчезла из вида задолго до того, как кончик копья коснулся воды.

- А-а-а! – выдала на это Катя. Гневно переломила копье через колено и вернулась на берег. – Я хочу есть! – крикнула она, подпрыгивая на месте. – Я хочу есть!

Происходящее, мягко говоря, шокировало. Она, конечно, понимала, почти понимала, что раздобыть еду будет непросто, но не до такой же степени... Катя вспомнила о кастрюлях, которые, похоже, так и останутся неиспользованными, вспомнила о макаронах, гречке и прочих продуктах, вынутых Карлом Антоновичем из ее чемодана, вспомнила о консервах, оставленных дома в холодильнике: баклажаны в томатном соусе с чесноком и сельдь пряного посола. Вспомнила заставленные различными коробками и банками полки в супермаркете и почувствовала такую волну ярости по отношению к коварному дядюшке, что будь он рядом, вспыхнул бы пионерским костром и рассыпался пеплом.

Она уже почти собралась разразиться многоэтажными проклятиями, но тут ее взгляд привлекла движущаяся по песку тень и все громогласные выпады были оставлены на потом.

Маленький плоский краб, суетливо перебирая ножками, двигался к воде. «Еда...» – мелькнуло в Катиной голове, и она коршуном бросилась вперед.

– Стой! – крикнула она. – Стой! Подожди... Ты даже не представляешь, какое счастье выпало на твою долю! Не каждый краб может похвастаться тем, что его готова съесть наследница огромного состояния! Да что там наследница... графиня! Понимаешь – графиня!

Катя зачерпнула мыском босоножки песок, споткнулась и упала, больно ударившись коленом. Краб, видимо, не смог оценить своего важного предназначения, а может, просто недолюбливал графинь, и поэтому без задержек добрался до воды и, так же, как и рыбы, исчез, точно его и не было.

– Мерзавец, – даже слишком спокойно сказала Катя. Поднялась и поплелась к дому-этажерке.

Сил не осталось, зато эмоции переливались через край.

Запись в дневнике (исключительно для себя, любимой):

«Дайте хотя бы корочку хлеба! Черствую, скукоженную, самую маленькую – люблю!»

Люди! Пока вы живете полной жизнью, ни в чем себе не отказывая, я голодаю! Подайте, кто сколько может!

P. S. Помощь принимается только продуктами питания!»

Еще одна запись в дневнике – Карл Антонович, добрый день, это вам:

«Половина мероприятий, намеченных на сегодняшний день, выполнена. Сейчас я мило провожу время под крышей собственного дома. Погода прекрасная, настроение великолепное. Ой, извините, вынуждена прерваться... кажется, сварился краб – пожелайте мне приятного аппетита!»

Можно ли употреблять в пищу здешнюю растительность? Катя наклонила голову набок и с интересом посмотрела на листья пышного кустарника, по виду напоминающего папоротник.

– Хм, – произнесла она и полезла в чемодан за кастрюлями. – Суп, я сварю суп... щи или борщ. Прекрасно, прекрасно, как это я сразу не додумалась. Постный супчик мне сейчас совсем не мешает. Кстати, неплохой повод разжечь костер.

Набрав в кастрюлю воды из ручья, отыскав несколько плоских камней, собрав немного сухих веток, Катя соорудила нечто, что, по ее мнению, являлось отличной кухонной плитой: два камня по бокам, дровишки посередине и кастрюля сверху. Простенько и перспективно.

Измельчив светло зеленые листья, Катя бросила их в кастрюлю и, добавив туда же немного морской воды (для вкуса), занялась разведением огня. Подсунув под ветки вырванные и смятые листочки из дневника (прощай, правда, прощай) она чиркнула зажигалкой. О, чудо! Огонь без лишних усилий слопал бумагу и жадно набросился на сухие дровишки.

– Да, – удовлетворенно кивнула Катя и гордо вздернула нос. – Это было непросто, но я справилась!

Вода закипела, листья потемнели и несколько раскисли. Вариво приобрело землистый цвет, по краям кастрюли образовалась серо-зеленая пена, и пахла вся эта красота вовсе не борщом и даже не щами...

– Кошачья моча... – констатировала Катя, нюхая пар, валивший из кастрюли.

Но сейчас все эти погрешности казались сущей ерундой – в животе бушевал голод, и хотелось засунуть в рот хоть что-нибудь съедобное.

Катя осторожно сняла с камней кастрюлю и... задумалась. Ложки не было.

– Да сколько же можно, – застонала она и с раздражением посмотрела на суперсуп.

Не руками же черпать... и отлить некуда.

Используя одеяло вместо полотенца, Катя взяла кастрюлю и понесла ее охлаждаться к ручью. Пусть первое блюдо не будет горячим – ничего страшного.

– Эх, видел бы меня сейчас Карл Антонович, – буркнула она, осторожно опуская палец в суп (остыл или нет?). – Вмиг бы подписал все документы и передал мне большую часть фирмы...

Перед глазами всплыл образ Федора Дмитриевича Архипова. Хмурый, явно недовольный, он стоял в центре просторного кабинета с тонкой папкой в руках. Вот он кивает ей и указывает на коричневое кресло во главе длинного стола. Рядом находится другое кресло – конечно же, поменьше и похуже – это место Архипова. Да... неплохая картинка...

Наклонив кастрюлю, Катя сделала первый глоток – большой и нетерпеливый. Невозможная горечь и непонятно откуда взявшийся привкус плесени распространились по всему рту. Клочок пены, оказавшийся сгустком слизи, прилип к губам и вызвал приступ тошноты.

Плюясь и полоща рот водой, Катя на этот раз проклинала вегетарианство.

«Сеанс медитации прошел успешно, никогда я еще не ощущала такую тесную связь с природой», – написала она в дневнике, перед тем как приступить к сооружению спального места в домике-этажерке. Ноги и руки продолжали зудеть, и она с ужасом думала о предстоящей встрече с москитами. Они же в свою очередь не сомневались – им голодать не придется.

* * *

– Не бережете вы себя, Карл Антонович, носитесь по всему свету, а ведь вы уже не мальчик...

– Тебе вовсе не обязательно напоминать мне о возрасте.

– Вот-вот! Не хотите вы посмотреть правде в глаза! Так... о чем это я?.. Ах, да! Вы уже не мальчик. Сидели бы дома и нянчили внуков.

– У меня нет внуков, и ты прекрасно об этом знаешь. А сейчас я как раз занят тем, что... – Карл Антонович осекся и хитро спросил: – А ты, собственно, по какому поводу звонишь?

– Просто так, – не менее хитро ответил Филипп. – Хотел узнать, как вы себя чувствуете, ну и вообще...

– Что вообще?

– Где Катя?! – наконец-то выпалил Филипп, уже не скрывая главную причину своего беспокойства.

Вот уже несколько дней он сгорал от любопытства – где наследница и что задумал граф? Из ранее подслушанного телефонного разговора можно было сделать некоторые выводы: девушку отправляют в путешествие, и, кажется, мило провести несколько дней вдали от родины ей предстоит в гордом одиночестве...

Большого разузнать не удалось, и Филиппу оставалось только терзаться вопросами и предполагать.

– Ах, вот в чем дело, – улыбнулся Карл Антонович. Он подошел к стеклянной двери и посмотрел на спокойную гладь моря. – Не волнуйся, с ней все в порядке. Она проходит курс молодого бойца.

– Я так и знал! – подпрыгнул на месте Филипп и тут же ойкнул от боли в пояснице. – Вы ее отдали в армию? Бедную девочку уже побрили налысо?

Карл Антонович еще раз улыбнулся и протянул:

– Ты не угадал, дела обстоят несколько иначе.

– Почему бы вам не сказать мне правду, – прошептал в трубку Филипп и на всякий случай оглянулся, – я же умею хранить секреты.

– Я скоро вернусь, и ты все узнаешь.

– И когда это будет?

– Через восемь дней.

Попрощавшись и пожелав своему дворецкому скорейшего избавления от радикулита, Карл Антонович отключил трубку и побарабанил пальцами по стеклу. Он опасался, что его разговор с Филиппом цепко подслушивала сводная сестрица, а уж ей-то точно ничего лишнего знать не следует... Слишком много она задает вопросов последнее время и слишком часто крутится около его кабинета...

- Все у меня получится, - тихо сказал Карл Антонович и сощурился. - Зря ты думаешь, Катя, что остров необитаем...

* * *

Отсутствие информации удручало и нервировало. Выпив залпом травяную настойку, Лидия Герасимовна отправилась за успокоением в парикмахерскую, но никакого облегчения этот поход за красотой не принес. Макияж сделали слишком блеклый, волосы уложили плохо, да еще обожгли ухо феном! И за что она только платит такие бешеные деньги?! За издевательство?

- Дуры, кругом одни дуры, - фыркнула она, швыряя черные сетчатые перчатки на полку перед зеркалом. - Куда мы катимся, куда мы катимся... Филипп!

- Здесь я, - тут же сказался дворецкий, выглянув из кухни.

Лидия Герасимовна вздрогнула и перекрестилась.

- Что ты выскакиваешь как черт из табакерки! У меня и так дисбаланс в душе, а тут еще ты...

- Что у вас в душе? - перебил Филипп, изображая на лице заинтересованность.

- Дисбаланс!

- А... понятно...

- Где Вадим?

– Кажется, на втором этаже.

Лидия Герасимовна поджала губы и покачала головой, что переводилось приблизительно так: «Какое еще „кажется“?! И за что тебе только деньги платят, и как Карл тебя только терпит...»

В присутствии брата она вела себя сдержанно, но стоило ему куда-нибудь уехать, она тут же менялась, становилась капризной – в такие минуты Делягина Лидия Герасимовна чувствовала себя в доме полноправной хозяйкой.

Вадим, развалившись в кресле, смотрел телевизор.

– Ты до нее дозвонился? – резко спросила Лидия Герасимовна, замерев около двери.

– Нет, сначала трубку не брала, а потом стала недоступна, – нехотя ответил он.

– Но я тебе давала номер ее домашнего телефона.

– Там тоже тишина.

– Ты собираешься что-нибудь предпринимать или нет?! – взвизгнула Лидия Герасимовна, с раздражением глядя на сына. Ей очень хотелось, чтобы он бегал по Москве и разыскивал эту не пойми откуда взявшуюся наследницу, дарил ей цветы, назначал свидания, приближая день свадьбы. День их свадьбы.

– Мама, – устало вздохнул Вадим. – Успокойся. Появится она, никуда не денется. Ясное же дело – дядюшка ее куда-то отправил, его и самого нет... Вместе, видимо, уехали. Я же с ней разговаривал по телефону до ее исчезновения, и мы мило побеседовали. Я не должен навязываться, всему свое время.

– Мило они беседовали, – фыркнула Лидия Герасимовна, немного успокоившись, – почему же она тебе не сказала, что уезжает?

– Может, сама не знала, может, дядя не велел, а может, просто не пришло в голову. Мы с ней не так тесно знакомы, и она вправе не делиться со мной личными планами. Это нормально.

– Обещай, что ты сделаешь все возможное и...

– Обещаю, – не желая выслушивать нравоучения, поспешно выпалил Вадим. – Не забывай, это и в моих интересах.

Удовлетворенная, Лидия Герасимовна прошествовала в свою комнату. Только бы все получилось, только бы все получилось...

Глава 8

«Доброе утро, Карл Антонович.

У меня только один вопрос... чем вы думали, когда решали, какие вещи вы мне оставите, а какие отберете? Вот возьмем, к примеру, зубную щетку... Вы сами-то как считаете: должна с ней в комплекте идти паста или нет? Мне зубы чем чистить? Песком? Зачем вообще вы оставили мне эту щетку?!!»

Катя вырвала лист, смяла его и точным броском отправила в костер. Затянувшись наспех скрученной «сигарой», закашлялась от едкого дыма и противного вкуса и отправила ее следом.

– Н-да... – протянула она, почесывая на правой ноге свежие следы от mosquito укусов. – Пожалуй, пришло время бросить курить... Вы, Карл Антонович, конечно же, будете этому рады, что огорчает... Сейчас напишу вам, что-нибудь... терпимое...

«Спасибо за зубную щетку, я очень рада, что никаких проблем с кислотно-щелочным балансом у меня не будет, а также, полагаю, мне удастся избежать такого распространенного заболевания, как кариес. Еще раз спасибо... и дай вам бог крепких зубов и здоровья!»

Захлопнув тетрадь, Катя прислушалась к бурлящим звукам, доносившимся из ее желудка. Несчастный, опустошенный, наполненный доверху водой, он горько плакал, мечтая хотя бы об одной столовой ложке каши или сухарике.

Повернувшись в сторону зеленой стены тропического леса, Катя тяжело вздохнула. Да, можно обследовать каждый метр острова, и глядишь, повезет – на глаза попадетя еще одна пальма (пониже и потоньше) с бананами, или на земле обнаружится кокосовый орех, что тоже, в общем-то, неплохо. Но как быть со змеями, скорпионами и прочими страшными представителями фауны? Они же наверняка там кишмя кишат и только и ждут, когда на их зуб попадетя пусть уже похудевшая, но все еще аппетитная жертва...

Вздохнув, Катя опять переключила свое внимание на костер.

А если еще раз обойти остров, а если где-нибудь на берег выбросило огромную жирную рыбину? А если удастся догнать одного-двух крабов? Пусть они маленькие, но под панцирем наверняка скрывается сочный кусочек мяса...

– Да, – кивнула Катя. – Я сейчас найду кого-нибудь и съем. Все просто!

Подбросив в костер веток и понадеявшись, что до ее возвращения он окончательно не потухнет, Катя довольно бодро зашагала по берегу. Босые ноги приятно утопали в теплом песке, а легкий ветерок подталкивал вперед, рождая в душе новые приступы оптимизма. Чтобы ни в коем случае не пропустить какого-нибудь нерасторопного краба, она неотрывно смотрела на песок, скользя взглядом от одной ракушки к другой, от небольшого камушка к более крупному. Крабы, ау, где вы?.. Рыбы, миленькие, как у вас дела, не хотите ли позагорать на солнышке?..

Песок, пучок травы, плоский серый камень, песок, песок, песок, след, опять пучок травы, кучка белых тонких костей, наверное, птичьи – повезло же тому, кто ее съел; камень, сухая ветка, след...

Катя резко затормозила и обернулась. По песку тянулись следы... Большие... мужские... Кто-то прошел здесь уверенно, не останавливаясь, не топчась на месте.

Сердце дернулось от страха вверх и тут же спикировало вниз, как раз прямоком на голодный желудок.

– Это точно не мои... – пробормотала Катя, наклоняясь. Посмотрела на свою ногу и икнула. – Не мои...

Но как же так... Туристы? Туземцы? Инопланетяне?

- Забавно, - выдохнула Катя, чувствуя, как подгибаются коленки.

Это что же получается... Дядюшка-граф высадил ее на острове и даже не удосужился проверить - обитаем он или нет! И что теперь делать? А если здесь проживают людоеды?..

- Я несъедобная, - твердо сказала Катя, отгоняя от себя все возрастающий страх. - Я теперь костлявая и жесткая, как старый башмак. Меня нельзя есть...

Убедившись, что следы ведут к зеленым кустарникам, она облегченно вздохнула - в лес она особо не углублялась, вроде никаких особых нововведений в жизнь острова не вносила, если не считать дома-этажерки, значит, скорее всего, местные жители не подозревают о ее существовании, и, значит, пока она в безопасности... Хотя, зачем прятаться? Может быть, они не людоеды. Остров-то маленький, и если бы они лопали друг друга, то, пожалуй, через три дня здесь бы никого не осталось... ну если не считать того человека, который съел бы своего соплеменника последним... хм... А может, они милые люди - вегетарианцы. Гостеприимные и отзывчивые, готовые поделиться последним спелым бананом с голодным собратом.

- Так... - протянула Катя и посмотрела в сторону пальм уже не с опаской, а с интересом. - Так, так...

В животе булькнуло, зажурчало и заняло. Как бы там ни было, а ситуация требовала немедленного разрешения. Необходимо сделать разведывательный марш-бросок в глубь острова!

Не думая о том, что на таком небольшом острове вряд ли может жить целое племя, отмахнувшись от мысли «странно, почему, кроме следов, нет больше никаких признаков присутствия здесь людей», Катя продолжила свой путь вдоль берега. Сначала она сделает круг, потом мысленно разделит остров на сектора, а потом... Потом видно будет!

Первые сто метров не порадовали ничем: ни крабами, ни рыбой, ни следами. В душе заерзало сомнение - а не померещилось ли, а не вернуться ли и не

посмотреть ли еще раз?

Нет. Следы были, и где-то поблизости бродит человек, который их оставил.

– Лучше бы он оставил батон колбасы и большую помидорину, – вздохнула Катя и пошла дальше.

Еще приблизительно пятьдесят метров. Еще. И еще.

Впереди показалось поваленное дерево, а за ним огромный валун бурого цвета и изогнутая пальма, протыкающая темно-зеленой макушкой небо.

Перешагнув через сухой, обласканный соленым ветром ствол, зацепившись сарафаном за скрюченную ветку, Катя чертыхнулась, раздраженно стукнула дерево кулаком и... онемела. На песке, сразу за валуном, на спине лежал мужчина. Весьма беззаботный вид, нога на ногу, в руках книга, а глаза прикрыты козырьком бейсболки. Серые удлиненные шорты, белая футболка и бежевые сандалии.

Он перевернул страницу и как бы нехотя, точно его отвлекали от важного дела, повернул голову в сторону Кати.

Она не сразу узнала его. Шок на некоторое время лишил ее возможности здраво соображать.

– Вы... – наконец-то выдохнула она, пока еще не в состоянии понять, что происходит.

– Да, – ответил Архипов Федор Дмитриевич и, не торопясь, поднялся на ноги.

«Если хочешь поесть, спроси меня как!» – прочитала Катя крупную ярко-красную надпись на его футболке.

– Что это? – тихо спросила она, тыкая пальцем в грудь Архипова.

– Эту футболку я надел по просьбе Карла Антоновича, – усмехнулся Федор. – Он был так настойчив, что я не смог ему отказать.

– А о чем он еще вас просил?..

– Просил запомнить, какое у тебя будет выражение лица, когда ты увидишь меня и эту надпись.

– А что вы вообще здесь делаете?! – нервы сдали, и эти слова Катя выкрикнула.

– Я здесь живу, – холодно ответил Архипов и уточнил: – Теперь здесь живу. Не думала же ты, что Карл Антонович оставит свою единственную наследницу без присмотра?

И тут наконец-то в голове Кати все встало на свои места.

Значит, дядюшка ее обманул... облапошил, как маленькую наивную дурочку... А она поверила! Старалась изо всех сил! Терпела москитов, голод, ночной холод! И все это напрасно... Никто и не собирался проверять – способна она управлять фирмой или нет, способна выстоять в тяжелых условиях или все же утонет в жалости к себе и запросит пощады – никого это не интересовало. Ее дядюшка – этот враль граф Карл Август фон Пфлюгге, ведет свою игру, и эта игра – без правил. «Все и всегда должно быть так, как я хочу, и я использую любые средства для достижения своих целей», – вспомнила она его слова.

Карл Антонович хочет, чтобы она вышла замуж за Архипова, и ее специально затащили на этот остров и лишили практически всех вещей – от нее ждут либо покорности, либо... Нет, она не пустит в свою душу этого человека, не станет с ним делить случайно пойманного краба, не начнет ему доверять и не начнет его... Не дождетесь!

Отломив резким движением от поваленного дерева сухую ветку, Катя подошла к краю воды и, двигаясь задом к зелени кустов и деревьев, молча стала чертить прямую линию.

– Могу я поинтересоваться, чем ты занята? – приподняв бровь, спросил Архипов.

– Можете, – пыхтя, ответила Катя. – Я делю этот чертов остров пополам. Одна половина вам, другая мне. – Она выпрямилась и добавила: – И попрошу без моего разрешения эту черту не переступать. Понятно?

– Понятно, – кивнул Архипов. Поправил бейсболку и, демонстрируя абсолютное равнодушие, снова лег на песок и раскрыл книгу.

«Ничего, Карл Антонович, мы еще с вами встретимся... у нотариуса», – прошептала Катя и крепче сжала ветку.

Федор оторвал взгляд от страниц и с любопытством покосился на увлеченную дележом территории наследницу. Короткая стрижка, волосы почти рыжие, острый нос, высокая, худая, сарафан держится на одной лямке, плечи обгорели, на руках и ногах пухлые лепешки от mosquito укусов. Хороша, нечего сказать.

– Веди линию ровнее, – вздохнув, сказал он, – мне чужого не надо.

– Не волнуйтесь, ни одного лишнего сантиметра вам не достанется! – выпалила Катя и тоже отправила в сторону врага изучающий взгляд. Нет, в таком виде Архипов раздражал еще больше... Слишком... нормальный, что ли. Лучше бы он был в строгом костюме с туго затянутым на шее галстуком – серьезный и холодный. И без этой дурацкой ухмылочки на лице!

Фыркнув, она развернулась к своим владениям и, не оборачиваясь, зашагала в сторону дома-этажерки. Сейчас она хотела о многом подумать и выплеснуть ураган негодования на бумагу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/yuliya-klimova/belka-v-kolese-fortuny>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)